

Сквозь эту броню пробиваются, однако, жаркие струи, в которых есть как бы оттенки соблазна (*женственная нежность* образа, легкое пение, *призрачный красный месяц*, *отражающийся в Неве*, образ *отроковицы — мидианки* (Вл. Соловьев),⁸⁰ пред которым я медлю, вместо того чтобы *нести свою духовную лепту в далекие святыни*).

Так, неготовым, раздвоенным я кончаю первый период своей *мировой* жизни — петербургский. [Здесь нет еще ни одного большого Т.⁸¹].

К этому периоду относится 39 стихотворений.

30 (17) декабря

В. МАЯКОВСКОМУ⁸²

Не так, товарищ!

Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музей. Но разрушение так же старо, как строительство, и так же *традиционно*, как оно. Разрушая постылое, мы так же скучаем и зеваем, как тогда, когда смотрели на его постройку. Зуб истории гораздо ядовитее, чем вы думаете, проклятия времени не избыть. Ваш крик — все еще только крик боли, а не радости.* Разрушая, мы всё те же еще рабы старого мира: нарушение традиций — та же традиция. Над нами — большее проклятье: мы не можем не спать, мы не можем не есть. Одни будут строить, другие разрушать, ибо «всеу свое время под солнцем»,⁸³ но все будут рабами, пока не явится третье, равно не похожее на строительство и на разрушение.

* Вагнер.